

Андрей Портнов, Татьяна Портнова*

Цена Победы

Война и конкуренция ветеранов в Украине

В Украине еще живут более 2,5 млн ветеранов Второй мировой войны, среди которых, лишь несколько десятков фронтовиков. Война остается центральным элементом формирования исторической идентичности общества. Прекращение существования Советского Союза привело и к исчезновению монолитного представления о войне. В Украине в центре внимания оказались *Украинская повстанческая армия* (УПА) и ее бойцы. В настоящее время за признание и привилегии конкурируют советские ветераны и братства УПА. Общее для ветеранов заключается в том, что они не считают себя жертвами и придерживаются пропагандистской риторики времен войны. Судьбе подневольных рабочих, жертв холокоста и военнопленных едва ли вообще уделяется внимание. Официально Украина считает себя жертвой двух тоталитарных режимов.

Вторая мировая война остается центральной темой политики памяти большинства постсоветских стран. Постепенное «одомашнивание» монолитного советского образа «Великой Отечественной войны» происходило по-разному, но часто по схожим траекториям. В случаях Беларуси, Молдовы и Украины можно отметить движение от однозначных национальных схем начала 1990-х, через ресоветизацию разной интенсивности – к поиску моделей политической нации и гражданской идентичности. В России поворот к патриотическому дискурсу войны как ключевому компоненту идентичности наметился в 1995 году, в канун 50-летия Победы, с открытия мемориала на Поклонной горе и возрождения военных парадов в День Победы 9 мая. Попытки создания постсоветских национальных нарративов войны неизбежно предусматривали интеграцию в них новых сюжетов и новых групп участников/жертв войны, а также решение социальных проблем разных категорий ветеранов, которые часто включались в довольно активное соревнование с другими ветеранскими группами не только за такой символический капитал как признание, но и за государственные льготы.

* **Андрей Портнов** – кандидат исторических наук, главный редактор интеллектуального журнала «Україна Модерна», Киев.

Татьяна Портнова – кандидат исторических наук, научный сотрудник Днепрпетровского национального университета.

Из истории ветеранского статуса в СССР

В конце 1940-х годов после окончания демобилизации в Советском Союзе участники войны перестали существовать как юридически признанная группа и были лишены тех незначительных льгот, которыми они первоначально пользовались (за исключением инвалидов войны, официально признанная численность которых также сознательно преуменьшалась, и Героев Советского Союза, а позднее кавалеров ордена Славы трех степеней). Иными словами, государственная политика первоначально была направлена на общественную интеграцию миллионов людей, вернувшихся с войны, а не на их статусное обособление¹. Доходило до того, что открытую апелляцию к своим страданиям трактовали как недопустимую: достаточно вспомнить преследование нищих-инвалидов войны как «антисоветских паразитических элементов».

Советский Союз в отличие от других стран – участниц войны ввел запрет на ассоциации ветеранов и инвалидов, а все подобные объединения, спонтанно возникшие после окончания войны, были сразу закрыты². До середины 1960-х годов для фронтовиков довольно типичной реакцией было нежелание вспоминать о войне. Одна из причин такого явления – отсутствие адекватных способов выражения военного опыта. Только во времена Брежнева сформировалась культура воспоминаний о войне под влиянием литературных и кинематографических произведений, затрагивающих данную тему, и мемуаров маршалов и генералов³.

Официальная советская версия истории войны (а тем более система государственных льгот) не признавала и лишала права голоса практически все другие группы жертв, кроме советских фронтовиков и работников тыла. Военные, попавшие в плен к немцам, после окончания войны нередко оказывались уже в советских лагерях как «предатели Родины». Подобная судьба ждала и значительную часть населения оккупированных нацистами или присоединенных к СССР во время войны территорий. В официальной советской истории войны не было места для исключительной трагедии евреев – Шоа (холокоста) и для специфического опыта нацистской политики экстерминации других национальных групп – ромов (цыган), крымчаков. Все жертвы расистской политики нацизма именовались в книгах и на памятных знаках «мирными гражданами – жертвами фашизма». Абсолютно табуированной темой были советские депортации крымских татар, чеченцев и других народов-«предателей». Подлежали

¹ Детальнее см.: *Mark Edele, Soviet Veterans as an Entitlement Group, 1945–1955 // Slavica Review. Vol. 65. No. 1 (Spring 2006). P. 111–137; Mark Edele, Soviet Veterans of World War II. A Popular Movement in an Authoritarian Society, 1941–1991. New York, 2008.*

² Beate Fieseler: *Arme Sieger. Die Invaliden des Großen Vaterländischen Krieges*, in: *Kluffen der Erinnerung. Deutschland und Rußland 60 Jahre nach dem Krieg. Berlin 2005 [= OSTEUROPA, 4–6/2005], S. 207–217.*

³ Lev Gudkov: *Die Fesseln des Sieges. Rußlands Identität aus der Erinnerung an den Krieg*, in: *Kluffen der Erinnerung ..., S. 56–73, hier S. 60.* – Boris Dubin: *Goldene Zeiten des Krieges. Erinnerung als Sehnsucht nach der Brežnev-Ära*, in: *Kluffen der Erinnerung..., S. 219–234.*

замалчиванию и многие сюжеты истории партизанского движения и действий Советской армии в Центральной Европе.

В 1956 году был создан Советский комитет ветеранов войны как один из инструментов пропагандистской составляющей «холодной войны» (сами же ветераны пытались использовать его для отстаивания собственных интересов). Расцвет деятельности комитета ветеранов пришелся на 1960-е годы. В 1965 году 9 мая признали государственным праздником Победы, а «Великую Отечественную войну» вместо «Великой Октябрьской Социалистической революции» стали считать краеугольным камнем идеологии советского строя. Начиная с 1965 года перечень гарантированных государством льгот для ветеранов пополнялся каждые пять лет, к очередной юбилейной годовщине. Кульминацией явилась институализация категории «участник Великой Отечественной войны» в 1978 году. Это решение было инициативой сверху, направленной на создание социальной базы для ослабевающего коммунистического режима, а не результатом давления на государство со стороны ветеранов. С того времени люди, имеющие право на ветеранское звание, превратились в хорошо организованное статусное сообщество – одну из беспорных опор советской политической системы. Среди льгот, которыми пользовались члены этого сообщества, – уменьшенная плата за жилье, право бесплатного проезда в городском и междугороднем транспорте, доплаты к пенсии, первоочередное право на лечение и т. д.

Поскольку значительная часть этих льгот была введена фактически через 30 лет после окончания войны, немало участников боевых действий не успели ими воспользоваться. Согласно подсчетам Марка Эделе, среди тех, кто воевал в 1939–1946 годах люди возрастной категории 30–40 лет составляли 49,6%, ветераны еще Первой мировой войны – 27,5% и молодежь, ушедшая на фронт со школьной скамьи, – 22,9%⁴. Можно добавить, что во главе советских ветеранских организаций почти всегда стояли не рядовые солдаты, а генералы, в наибольшей степени выигравшие от существовавших государственных льгот.

Годы горбачевской перестройки со свойственными им стремительным падением жизненных стандартов и либерализацией публичной сферы, распад Советского Союза и болезненную посткоммунистическую трансформацию большинство советских ветеранов восприняли как время катастрофического упадка своего социального статуса и разрушения социального капитала. С середины 1990-х годов приобретает более четкие и самобытные черты политика каждой из постсоветских стран по отношению к советским ветеранам и другим группам участников/жертв войны, которые постепенно выходят на сцену.

Государственные льготы в постсоветской Украине

В наследство от советских времен Украина получила не только современные границы, этническую и социальную структуру, систему промышленности и сельского хозяйства, но и население, мыслящее в рамках патерналистской модели

⁴ Mark Edele, *Soviet Veterans an Entitlement Group...*, P. 115.

отношений, демонстрирующее высокие ожидания от государственной социальной помощи. В советское время вопреки официальному декларированию социального равенства существовала очень развитая система льгот, обеспечивающая преференции для определенных групп (в первую очередь, работников партийно-государственного аппарата). Эта система включала специальные больницы, специальные дома отдыха, возможность покупки дефицитных товаров. При переходе постсоветских стран к рыночной экономике система льгот стала использоваться как заменитель системы социальной защиты.

В современной Украине на государственном уровне установлено 136 видов выплат, льгот, доплат и дотаций. Наиболее многочисленные группы льготников:

- ветераны войны (2,8 млн, 6,1% населения);
- «дети войны» (6,1 млн, 13,2%);
- пострадавшие вследствие Чернобыльской катастрофы (1,9 млн, 4,1% населения);
- инвалиды (2,6 млн, 5,6%);
- ветераны труда, то есть все люди, имевшие при выходе на пенсию стаж работы 40 лет для мужчин и 35 лет для женщин (около 4,6 млн, или 10% населения страны).

К этому перечню следует добавить 10,5 млн пенсионеров (13,2% населения), имеющих право на льготный проезд, а также граждан с низкими доходами, которые обращаются к государству за помощью по оплате жилищно-коммунальных услуг, – это еще около 3–4 млн лиц (до 8% населения).

Социальная категория «ветеранов войн» состоит в Украине из нескольких групп. Участниками военных действий были на протяжении десятилетий те, кто воевал во Второй мировой войне. В 1990 году эта группа была расширена за счет ветеранов войны 1979–1989 годов в Афганистане, участников советских интервенций в Венгрии 1956 года и Чехословакии 1968 года, военных операций на Кубе и украинских солдат в составе миротворческих сил ООН, а также участников других военных действий за пределами Украины. К их числу добавляются инвалиды и участники войны. Это люди, рожденные до 1932 года, и во время Второй мировой войны работавшие в тылу.

Количество ветеранов войны ежегодно уменьшается. Если 5 лет назад в Украине проживало около 4,5 млн ветеранов войны, то в 2006 году их число сократилось до 3,2 млн, в 2007 году – до 2,9 млн, а в начале 2008 года составило 2,6 млн человек⁵. В региональном измерении на 2006 год больше всего ветеранов войны проживало в Донецкой (306 тыс. человек), Днепропетровской (245 тыс.) и Харьковской (немногим более 190 тыс.) областях⁶.

Среди миллионов людей с ветеранским статусом собственно участников боевых действий очень немного. На 1 января 2004 года их насчитывалось чуть более

⁵ http://www.vinrada.gov.ua/zasidannya_koordinacynoi_radi_z_pitan_realizacii_socialnoi_politiki_shodo-veteraniv_viyni.htm

⁶ Головне управління охорони здоров'я: <http://www.kharkivoda.gov.ua/show.php?page=4849>.

371 тыс. человек⁷. Учитывая невысокую среднюю продолжительность жизни в Украине (62 года для мужчин и 73 года для женщин), неудовлетворительное состояние системы охраны здоровья и тот факт, что самым молодым участникам боевых действий в 2010 году исполнилось 86 лет, количество доживших до наших дней фронтовиков не может превышать нескольких десятков тысяч человек⁸. А наибольшую группу ветеранов составляют «участники войны» (более 2,5 млн человек), то есть люди, которые в 1941–1945 годах работали в тылу. К этой категории также относятся люди, отбывавшие в 1941–1945 годах наказание в тюрьмах и лагерях; лица, которые после 9 сентября 1944 года были переселены на территорию Украины из других государств; члены семей всех указанных групп⁹.

Все категории «ветеранов войны» имеют в Украине следующие гарантированные государством льготы: бесплатное получение лекарств; бесплатное санаторно-курортное лечение; 75%-ную скидку на оплату квартиры и коммунальных услуг; бесплатный проезд на всех видах городского транспорта; освобождение от оплаты налога на прибыль со всех доходов; наконец – символическую ежегодную материальную помощь, сумма которой колеблется от 55 до 450 гривен (5–40 евро)¹⁰.

Периодически звучат предложения по систематизации «льготного» законодательства и ограничению числа лиц, имеющих право на разного рода льготы. Ведь сейчас в Украине 28% населения принадлежат к льготным категориям, и на их социальные нужды направляется 21% внутреннего валового продукта¹¹. Но реальных шагов в этом направлении государство не делает из-за политизации всех сфер социальной политики и использования вопроса о льготах в качестве инструмента получения симпатий избирателей на очередных выборах. Ярким примером может служить подписанный Леонидом Кучмой накануне «оранжевой революции» закон «О социальной защите детей войны»¹². Этот закон предоставил статус «детей войны» всем гражданам Украины, которым на 2 сентября 1945 года не исполнилось 18-ти лет. Таким образом, в конце 2004 года почти 8 млн украинцев получили следующие льготы: 10%-ю надбавку к пенсии, право на жилищные субсидии, право на первоочередное трудоустройство и сохранение работы при сокращении штатов, право на первоочередное получение земельных участков. Сомнительность такого решения (особенно в контексте хронической нехватки средств в государственном бюджете на структурные реформы) не мешает ему оставаться в силе по сей день.

⁷ Опека над ветеранами – святая обязанность каждого: <http://www.com.ua/page/opekanad-verteranami-svjataja-objazanost>.

⁸ О демографическом развитии в Украине см.: Èlla Libanova: Qualität statt Quantität. Chancen der demographischen Entwicklung, in: Schichtwechsel. Politische Metamorphosen in der Ukraine, [= ОСТЕУОРА, 2–4/2010], S. 413–425.

⁹ Закон Украины «О статусе ветеранов войны, гарантиях их социальной защиты»: http://www.Base.spinform.ru/show_doc.fwx?Regnom=16400

¹⁰ Там же.

¹¹ Виктория Пода, Льготников станет меньше // Комментарии. 2009. 3 июля.

¹² Закон «О социальной защите детей войны», см.: <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=2195-15&zahyst=4/UMfPEGzhhhkFU.ZiH5JdtPHI4qks80msh8le6>.

Проблема статуса ветеранов УПА

Украинское националистическое подполье действовало до конца 1950-х годов. Оно охватывало территории областей, присоединенных к СССР в 1939 году вследствие советско-немецкой агрессии в отношении Польши. В рамках мер по усмирению этого движения и советизации Западной Украины на протяжении нескольких послевоенных лет было убито 153 тыс., арестовано 134 тыс. и депортировано вглубь СССР более 203 тыс. жителей региона. Иными словами, советские репрессии охватили более 10% населения западноукраинских областей¹³. Этот факт глубоко укоренился в исторической памяти населения региона, симпатии которого к Украинской повстанческой армии (УПА), как признавали сами ее деятели, «держались на национальном сознании, патриотизме, но не на поддержке нашей политической или социальной программы»¹⁴.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов апелляция к антисоветской деятельности УПА стала одним из важнейших идеологических акцентов. Тогда же в городах Восточной Галиции и Волыни стали появляться памятники Степану Бандере и другим руководителям Организации украинских националистов (ОУН), имевшие целью подчеркнуть десоветизацию городского пространства. Установка памятников относится к компетенции местных властей, которые в данном вопросе действовали автономно от Киева. Выбор именно Степана Бандеры в качестве главного героя во многом был обусловлен, как это ни парадоксально, советской пропагандой. Далеко не единственная жертва советских спецслужб – человек, который провел фактически всю Вторую мировую войну в немецком лагере Заксенхаузен – Степан Бандера был выбран СССР на роль антигероя номер 1. Соответственно, десоветизация должна была произойти по принципу изменения знака минус на плюс. И одним из её (возможно, не всегда осознаваемых) способов стало возведение мемориалов Бандере в стиле памятников советским генералам или партизанам¹⁵.

Но региональное чествование Бандеры и УПА не решило вопрос о правовом статусе ветеранов этой организации и официального государственного признания/непризнания их борьбы¹⁶. Не решил этой проблемы и 16-й пункт перечня лиц, относящихся к «участникам боевых действий» в Законе Украины «О статусе ветеранов войны, гарантиях их социальной защиты» от 22 октября 1993 года.

¹³ Grzegorz Motyka: *Ukraińska partyzantka 1942–1960*. Warszawa 2006. S. 649, 653. – См. также: *Der Hitler-Stalin-Pakt. Der Krieg und die europäische Erinnerung*. Berlin 2009 [= *OSTEUROPA*, 7–8/2009], также: Grzegorz Hryciuk: *Die Illusion der Freiheit. Belarussen und Ukrainer im September 1939*, S. 173–186.

¹⁴ Motyka, *Ukraińska partyzantka ...*, S. 185.

¹⁵ Andrij Portnov: *Pluralität der Erinnerung. Denkmäler und Geschichtspolitik in der Ukraine, in: Geschichtspolitik und Gegenerinnerung*. Berlin 2008 [= *OSTEUROPA*, 6/2008], S. 197–210.

¹⁶ По поводу исторических корней см.: Wilfried Jilge: *Nationalukrainischer Befreiungskampf. Die Umwertung des Zweiten Weltkriegs in der Ukraine*, in: *Geschichtspolitik* S. 167–186

Этот пункт предоставил статус ветеранов «воинам Украинской повстанческой армии, которые принимали участие в боевых действиях против немецко-фашистских захватчиков на временно оккупированной территории Украины в 1941–1944 годах, не совершили преступлений против мира и человечества и реабилитированы согласно Закону Украины «О реабилитации жертв политических репрессий в Украине»¹⁷. Таким образом, закон предоставил статус ветеранов тем воинам УПА, которые воевали против «немецко-фашистских захватчиков», но никоим образом не сформулировал отношение к антисоветским действиям партизан, особенно после 1944 года.

Первая парламентская комиссия по изучению деятельности националистического подполья была создана еще в 1991 году, но подготовленный историком Виктором Ковалем подчеркнута глорификационный и совершенно некритический вывод об истории УПА не был воспринят коммунистическим большинством¹⁸ (кстати, тем же самым, которое приняло все основные акты о независимости Украины). Уже во время президентства Леонида Кучмы, который пытался проводить линию «многовекторности» не только во внешней, но и в исторической политике, для правовой оценки деятельности УПА в 1997 году была создана правительственная комиссия, а при ней – рабочая группа историков во главе со Станиславом Кульчицким. Подготовленные ею выводы содержали принципиальное признание авторитарно-националистической природы идеологии Организации украинских националистов (ОУН), но призывали к «восстановлению исторической справедливости» и официальному признанию воинов УПА ветеранами войны¹⁹. В июле 2004 года, за полгода до президентских выборов, премьер-министр Анатолий Кинах предложил парламенту предоставить воинам УПА статус ветеранов. Предложение не получило поддержки депутатов, что очевидно свидетельствовало о недостаточной заинтересованности в этом решении президента Кучмы.

Следующий президент – Виктор Ющенко, пришедший к власти благодаря Майдану (на котором, кстати, реяли и красно-черные флаги УПА), сделал попытку реконцептуализировать празднование Дня Победы 9 мая, призвав к примирению ветеранов и предложив образ войны, в которой украинцы воевали по разные стороны фронта, но за общую цель – «независимую Украину». Возможно, ради этой стратегической цели Ющенко в первые годы своего президентства не настаивал на вопросе юридического статуса воинов УПА. А уже через несколько лет, когда уровень доверия к президенту серьезно упал, постановка этой проблемы в стенах парламента была обречена на провал.

¹⁷ См.: <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=3551-12&zahyst=dCCMfOm7xBWMkFUEZiH5JdtPH4qks80msh8Ie6>

¹⁸ *Wilfried Jilge, The Politics of History and the Second World War in Post-Communist Ukraine (1986/1991 – 2004/2005) // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. B. 54. 2006. No. 1. P. 56–57.*

¹⁹ *Проміжний звіт робочої групи для підготовки історичного висновку про діяльність ОУН-УПА (попередній варіант). Київ, 2000. ОУН і УПА. Фаховий висновок робочої групи істориків при урядовій комісії з вивчення діяльності ОУН і УПА. Київ, 2005. Сравни. оценок этих публикаций в: *Wilfried Jilge, The Politics of History... P. 73–74.**

После первого тура президентских выборов 2010 года, на котором Виктор Ющенко получил 5,45% голосов, он неожиданно присвоил Степану Бандере звание «Героя Украины». Это событие вызвало остро негативную реакцию вне Украины (в первую очередь, в Польше, России и Израиле), а Европейский парламент обратился с просьбой к новому президенту Виктору Януковичу пересмотреть это решение. Интересно, что указ Ющенко от 12 октября 2007 года о посмертном присвоении звания «Герой Украины» главнокомандующему УПА Роману Шухевичу (который в 1950 году погиб в столкновении с советскими войсками) имел куда меньший резонанс, хотя, конечно, не прошел незамеченным.

Однако эти решения президента Ющенко не решили юридической или символической проблемы места националистического подполья в современном украинском образе Второй мировой войны. Тем более не решил этих проблем подписанный Ющенко в последние дни его президентства указ от 28 января 2010 года «О чествовании участников борьбы за независимость Украины в XX веке». Фактически этот указ свелся к призыву правительству разработать законопроект «О правовом статусе участников борьбы за независимость Украины в XX веке»²⁰. Вопрос, почему подобный призыв появился только в последние дни президентства Ющенко, можно считать риторическим.

Если решение о государственном признании правового статуса и предоставлении льгот относится к компетенции высшего органа законодательной власти – парламента, то выполнение Закона от 1993 года и инициативы по оказанию определенной материальной помощи отдельным группам населения зависит от воли местных органов власти. Следовательно, льготы и социальные гарантии бывшим воинам УПА в значительной степени зависят от особенностей власти на местах в разных регионах Украины. Например, во Львове ветераны УПА (а их в городе насчитывается около 590 человек) ежемесячно получают доплату к пенсии 500 гривен (около 45 евро) из городского бюджета и освобождаются от оплаты жилищно-коммунальных услуг. В селах Львовщины, где возможности местных бюджетов более скромные, такие доплаты к пенсии составляют от 50 до 200 гривен²¹. В августе 2005 года областной совет Волынской области признал УПА стороной – участницей Второй мировой войны, а ее ветеранов – «борцами за свободу и независимость Украины на территории Волыни». Соответственно, за ними были закреплены льготы, аналогичные льготам ветеранам Великой Отечественной войны, но оплачиваемые за счет средств местного бюджета²². 17 июня 2009 года Тернопольский областной совет рекомендовал установить за счет средств областного бюджета надбавки к пенсиям ветеранов УПА в размере 100%²³. Таким образом, размер государственной

²⁰ Указ Президента України Про вшанування учасників боротьби за незалежність України у ХХ столітті, см.: <http://zakon.nau.ua/doc/?code=75/2010>.

²¹ Бойцов ОУН-УПА приказали любить, см.: www.segodnya.ua/news/14111446.html.

²² На Волыни ветераны УПА будут получать льготы наравне с ветеранами ВОВ см.: www.otechestvo.org.ua/main/20058/1613.htm.

²³ На Тернопольщине ветеранам ОУН-УПА в два раза повысили пенсии, см.: http://news.nsn.gov.ua/ua/news/war_Info/?p=20766.

поддержки ветеранов УПА варьируется в зависимости от региона и возможностей местной власти. А из рядов бывших уповцев периодически слышны недружелюбные возгласы, что в независимой Украине бывшие солдаты УПА и жертвы политических репрессий получают несравнимо более скромные пенсии, чем сотрудники КГБ и других советских карательных органов.

Организации ветеранов и их роль в украинской политике

Организация ветеранов Украины, которую до своей смерти в 2008 году возглавлял советский генерал армии, депутат Верховной Рады от Коммунистической партии Украины (КПУ) Иван Герасимов, остается бастионом советского видения истории войны и недвусмысленно выступает одним из ретрансляторов политических лозунгов КПУ. В октябре 1996 года в Киеве прошел учредительный съезд альтернативного Всеукраинского объединения ветеранов Второй мировой войны, который продемонстрировал желание «отмежеваться от проимперских действий и намерений возродить Советский Союз ветеранской организации, возглавляемой товарищем Герасимовым» и «объединить усилия всех ветеранов, которые признают и поддерживают Конституцию Украины и ее независимость и тем самым содействуют консолидации украинского общества»²⁴. Во главе нового объединения стал участник войны в рядах Красной армии, физик-теоретик и известный своими патриотическими выступлениями народный депутат Игорь Юхновский (через 10 лет, в 2006 году, он возглавил Украинский институт национальной памяти). Всеукраинское объединение ветеранов четко обозначило свою «государственническую» позицию и поддержало идеи президента Ющенко о примирении ветеранов войны. Уступая прокоммунистической Организации ветеранов Украины численностью и влиянием, новое объединение все же смогло обеспечить плюрализм ветеранских выступлений в политической сфере.

О природе взаимодействия (а точнее, о его отсутствии) двух этих организаций может свидетельствовать их реакция на вышеупомянутое решение Ющенко о присвоении звания «Героя Украины» Степану Бандере. В обращении Организации ветеранов, написанном языком советской пропаганды, утверждалось:

«В современном мире нет, наверное, страны, где так открыто поощрялся бы национал-фашизм и очернялась бы, да еще и в год 65-летнего юбилея, Победа над фашизмом, решающую роль в которой сыграл советский, в том числе украинский народ»²⁵.

²⁴ Vladyslav Hrynevych: *Gespaltene Erinnerung: Der zweite Weltkrieg im historischen Bewusstsein der Ukraine*, in: *Kluffen der Erinnerung*, S. 88–102, hier S. 99.

²⁵ См.: http://www.cominformua.com/cgi-bin/show.pl?lang=ru&action=showstat&sndir=2009_11&razd=10&stat=412

В заявлении-ответе Всеукраинского объединения ветеранов, написанном в таком же непримиримо пропагандистском духе, подчеркивалось, что конкурентная организация

«...представляет лишь ветеранов-коллаборантов – верных пособников кровавой тоталитарной компартии уже мертвого Союза, именно тех верных «ленинцев и сталинцев», которые покрыли могилами Украину в годы голодомора и массовых убийств»²⁶.

В целом участие ветеранских организаций в политической жизни Украины маргинально. И в этом ее отличие от соседних России или Беларуси, где «обращениями ветеранов» обосновывались радикальная ревизия школьных учебников истории или даже политические преследования неудобных власти периодических изданий, интернет-сайтов или журналистов. Многомиллионная группа «ветеранов» в Украине социально, скорее, аморфна и пассивна. Среди заметных примеров успешного политического давления от ее имени можно вспомнить разве что возвращение в школьные учебники термина «Великая Отечественная война» (парламентская дискуссия по этому поводу проходила в середине 1990-х годов). Однако это возвращение не повлияло на общую интерпретационную схему учебника, довольно последовательно ориентированную на конвергенцию советского и националистического нарративов войны. Оно лишь породило забавную терминологическую анархию вроде «Националистическое подполье в годы Великой Отечественной войны».

Как не существует единой организации советских ветеранов, так нет и единого объединения ветеранов УПА. Тем более что во время войны существовали (и сегодня существуют) отдельные, нередко антагонистические организации, ведущие свою генеалогию от двух фракций ОУН – бандеровской (которая всегда имела репутацию более революционной и радикальной) и мельниковской (более умеренной и компромиссной). Понятно также, что численность ветеранов УПА не превышает несколько тысяч человек, которые, однако, имеют серьезный символический капитал в глазах части украинского общества.

Накануне президентских выборов 2010 года Всеукраинское братство ОУН–УПА выступило с обращением, призывающим украинский народ и всех «патриотических» кандидатов в президенты объединиться вокруг кандидатуры Виктора Ющенко, который единственный, по их мнению, «способен оказать справедливое сопротивление Медведеву и Путину и гарантировать Украине независимость»²⁷. В этом обращении содержалась прямая критика Олега Тягнибока – наиболее радикального в своих высказываниях кандидата в президенты, который во время кампании интенсивно ссылался на борьбу УПА и в то же время пытался использовать в Украине антииммиграционные лозунги крайне

²⁶ См.: <http://maidan.org.ua/static/news/2010/1267089481.html>

²⁷ Звернення Всеукраїнського Братства ОУН–УПА. См.: www.ukrslowo.org.ua/inshi/nagolos/zvernennya-vseukrainskogo-bratstva-oun-uda.html

правых современных европейских политиков. Авторы обращения упрекали Тягнибока в нежелании отказаться от собственных амбиций в пользу Ющенко. В то же время штаб Тягнибока распространил другое «Обращение ветеранов УПА к украинцам», призывавшее голосовать только за Тягнибока, который один из всех кандидатов проявил «настоящее уважение» к УПА²⁸. Остается добавить, что на президентских выборах Олег Тягнибок набрал 1,43% голосов.

Другие категории жертв войны

В песне Булата Окуджавы, которую он написал в 1970 г. для фильма «Белорусский вокзал», гениально передано одно из важнейших советских представлений о войне: «А значит, нам нужна одна победа, / Одна на всех, мы за ценой не постоим...» Формула Булата Окуджавы «мы за ценой не постоим» очень удачно отражает место жертв в советской картине войны. Цена Победы, отношение советского командования к жизням рядовых солдат – эти темы не входили во времена СССР в число желательных. Проблема жертв среди гражданского населения поднималась, в первую очередь, для иллюстрации жестокости немецкого оккупационного режима. При этом, как уже упоминалось в начале статьи, отдельного упоминания еврейских или ромских (цыганских) потерь во времена нацистского режима в этом нарративе не было. А на темы репрессий против жителей оккупированных территорий после восстановления советской власти, отношения СССР к советским военнопленным, массовых депортаций 1944–1946 годов было наложено абсолютное табу.

Известно, что на принудительные работы в Третий рейх было вывезено почти 6 млн человек, из них 2 175 тыс. были гражданами СССР и 1 662 тыс. – гражданами Польши. В 2000 году в Германии был создан специальный фонд для выплаты компенсаций бывшим остарбайтерам. На протяжении июля 2001 – декабря 2006 года 471 тыс. граждан Украины получили денежные компенсации от немецкого фонда «Память, ответственность, будущее». Бывшие узники концлагерей и гетто получили по 7,5 тыс. евро, узники лагерей и тюрем – от 2,5 до 6 тыс. евро, вывезенные на принудительные работы в промышленности – по 2200 евро, в сельском хозяйстве – по 750 евро²⁹. Для большинства получателей эта материальная помощь стала серьезной поддержкой в условиях экономической трансформации Украины. Хотя иногда выражались и протесты против градации жертв или отличий в размере компенсаций для бывших граждан СССР и граждан других стран. Величина выплат варьировалась, так как финансовая обеспеченность партнерских организаций, которым в отдельных

²⁸ Ветерани ОУН-УПА та репресовані закликали підтримати Олега Тягнибока, www.svoboda.org.ua/diyalnist/novyny/013420/.

²⁹ Michael Jansen, Günter Saathoff (Hg.): Gemeinsame Verantwortung und moralische Pflicht. Abschlussbericht zu den Auszahlungsprogrammen der Stiftung „Erinnerung, Verantwortung und Zukunft“. Göttingen 2007, S. 96–111. – Выплаты остарбайтерам: час пробил? // Столичные новости, 15.–21.5.2001, <http://cn.com.ua/N166/authors/country/country.html>.

странах поручалось их осуществление, основывалась на оценках численности лиц в стране, имевших право на получение такого рода выплат. Кроме того, партнерские организации имели определенную свободу действий, позволявшую учитывать дополнительные группы жертв³⁰.

Были также сделаны попытки распространить предусмотренные законом о Фонде «Память, ответственность, будущее» выплаты на такую специфическую группу жертв нацизма как советские военнопленные. Поскольку Советский Союз не подписал Женевской конвенции 1929 года о правах военнопленных, а расистская идеология нацизма трактовала славян как «низшую расу», судьба 3 млн пленных красноармейцев была по-настоящему ужасной (более полутора миллионов из них умерли от голода или бесчеловечного отношения в немецких концлагерях; а те, кому удалось выжить, после войны попали уже в советские лагеря). По приблизительным оценкам, ныне в живых из них остались 45–48 тыс. человек. Судебный процесс о пересмотре формулировки закона, что «пребывание в плену не дает оснований для получения компенсации», закончился поражением истцов³¹. Показательно, что в роли последних выступила не какая-нибудь организация военнопленных, а группа немецких и российских историков и юристов. Иначе говоря, советские военнопленные остаются фактически едва ли не наиболее виктимизированной и менее всего признанной из всех групп жертв нацизма³².

Если бывшие оstarбайтеры получили помощь от Германии и Австрии (последняя в 2006 году выделила 25 млн евро на программу обучения потомков людей, принудительно вывезенных на работы в рейх), а жертвы холокоста получают регулярную помощь из США, Германии и Израиля, то вопрос о компенсации жертвам советской депортации крымских татар даже не поставлен. В Украине до сегодняшнего дня нет Закона «О восстановлении прав лиц, депортированных по национальному признаку», что крайне обостряет земельный, политический и культурный вопрос в Крыму. Ситуацию ухудшает возрастание отчуждения и взаимного недоверия между двумя основными группами населения полуострова: русскоязычным большинством, которое (как показывают социологические исследования) объединяет русских и украинцев, и меньшинством – крымскими татарами, получившими разрешение вернуться в Крым из мест депортации (в первую очередь, Узбекистана) только в конце 1980-х годов³³. Ситуация с жертвами послевоенных «обменов насе-

³⁰ Объединения оstarбайтеров требуют пересмотреть условия выплаты компенсаций, 5.1.2002. См.: <http://mynews-in.net/news/society/2002/01/05/46969.html>.

³¹ О проблеме выплаты компенсаций советским военнопленным, см.: www.dw-world.de/dw/article/0,,865205,00.html.

³² Павел Полян, Жертвы двух диктатур. Советские военнопленные и оstarбайтеры в Третьем рейхе и их репатриация. М., 1996.

³³ О положении в Крыму и настроении населения см.: АР Крым: люди, проблемы, перспективы//Национальна безпека і оборона. № 10. 2008. См.: www.razumkov.org.ua/ukr/files/category_journal/NSDI04_ukr.pdf – Gwendolyn Sasse: Stabilität durch Heterogenität. Regionale Vielfalt als Stärke der Ukraine in: Schichtwechsel. Politische Metamorphosen in der Ukraine [= OSTEUROPA, 2–4/2010], S. 105–121.

лением» между Польшей и Советским Союзом отличается в первую очередь тем, что эти люди не вернулись после распада СССР в места своего прежнего проживания.

Выводы

Вторая мировая война остается центральным событием для исторического самосознания современного украинского общества. При этом распад Советского Союза означал также исчезновение единого официального образа войны, альтернативы которому создаются до сегодняшнего дня. В постсоветской Украине существует несколько групп ветеранов и/или жертв войны, различающихся между собой численностью, политической активностью, символическим капиталом, размером государственных льгот.

Причем большинство ветеранов – и советских, и УПА – выступают против принятия мученического образа войны, предпочитают видеть себя героями-победителями, а не жертвами борьбы политических систем. В то же время обе группы чувствуют себя в моральном и материальном проигрыше. Современная Украина очень далека от образа государства, за которое проливали кровь и красноармейцы, и воины УПА. Более того, обе группы полагают, что обошли именно их, в то время как противоположная группа получает слишком много льгот или внимания со стороны государства. Демонстративно отказываясь от диалога с противоположной стороной (понятно, что существуют единичные исключения, но они лишь подтверждают правило), и организации советских ветеранов, и братства воинов УПА демонстрируют удивительную преданность пропагандистской риторике времен войны. И в этом они очень похожи друг на друга.

Из-за архаичности риторики и еще больше – из-за немногочисленности ветеранских организаций последние не играют заметной роли в украинской политике. Попытки инструментального использования «обращений ветеранов» или «требований ветеранов» для решения определенных политических вопросов в Украине играют куда меньшую роль, чем в России или Беларуси, где контролируемые государством более монолитные ветеранские структуры выполняют важную функцию легитимизации отдельных решений местных политических режимов.

Только недостаток современных социальных гарантий заставляет ветеранов признавать себя жертвами. В связи с этим нередко возникает неприязнь на бытовом уровне к остарбайтерам – мол, «мы защищали страну и получаем копейки, а они работали на врага и купаются в деньгах». Бывшие остарбайтеры, жертвы холокоста или советские военнопленные не играют практически никакой роли в общественной жизни Украины. Национально окрашенная память евреев или крымских татар о годах войны легла в основу идентичности этих групп, но интеграция этой памяти в украинский нарратив Второй мировой войны остается значимой проблемой.

Этот нарратив формировался постепенно, со множеством противоречий, но в целом за все годы независимости можно выделить несколько его устойчивых черт. Одна из них – виктимизация или жертвенность. На официальном уровне в самопрезентации Украины элементы образа *нации – жертвы двух тоталитарных режимов* преобладают над элементами образа одной из *стран-победительниц*. Украинские школьные учебники сознательно противопоставляют преступления и ошибки партийного руководства и советского командования страданиям и подвигу рядовых граждан. Весьма спорный, с исторической точки зрения, тезис о «единстве украинского народа в войне» нацелен на формирование политической нации в современной Украине. А противоречивые процессы этого формирования в стране, где не срабатывает типичная восточноевропейская схема «один язык – одна религия – одна нация», являются одним из наиболее интересных политических и культурных феноменов Европы.